

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)
О-53

Karl Olsberg
GIRL IN A STRANGE LAND

Перевел с немецкого
Святослав Поляков

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Ольсберг К.

О-53 Девочка в странной земле : [роман] / Карл Ольсберг; [пер. с нем. С. Полякова]. — СПб. : Аркадия, 2020. — 384 с. — (Серия «Футура»).

ISBN 978-5-907143-48-7

На Земле идет беспощадная война между ангелами света и посланцами сатаны. Люди обречены на страдания и смерть, их души потеряны. И только в тихой альпийской долине Пробужденных царят мир и покой. По крайней мере, так думает юная София. Она истово верит в Бога и читает одну лишь Библию, но ее более религиозные сверстники считают эмоциональную девушку еретичкой. Все, кроме одного, — Мирко. Но однажды парень исчезает. София не знает, что и думать. И вдруг получает от Мирко весточку! Теперь судьба девушки предрешена — она отправится за любимым и, если потребуется, вырвет его из лап самого сатаны. Правда, внешний мир оказывается совсем не похожим на ад... Но бороться за жизнь и душу Мирко Софии все же придется.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)

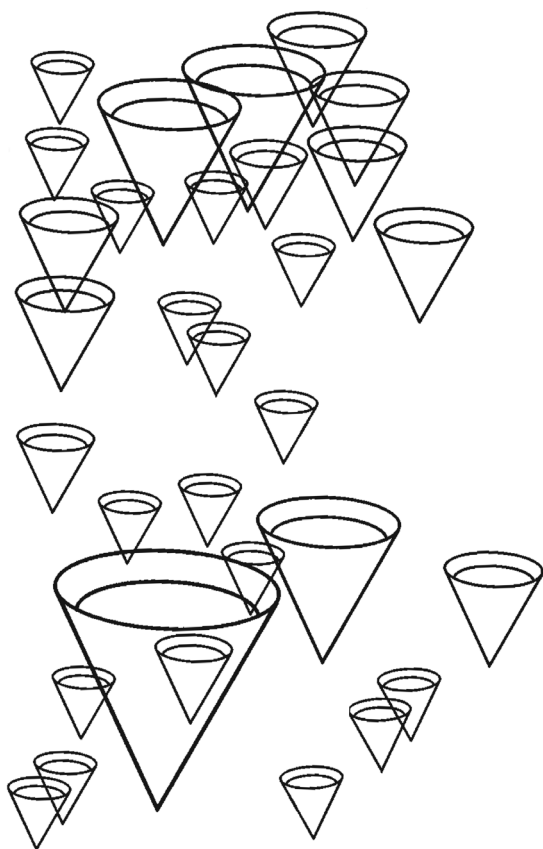
ISBN 978-5-907143-48-7

© Loewe Verlag GmbH, Bindlach, 2018
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2020
© Shutterstock

Чем меньше мы восхищаемся иллюзиями, тем
больше мы способны воспринять правду.

Эразм Роттердамский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДОЛИНА ПРОБУЖДЕННЫХ

ГЛАВА 1

— А где Пауль? — спрашиваю я.

Мать, которая как раз собралась замачивать постельное белье, смотрит на меня так, словно я свалилась с луны.

— Какой еще Пауль?

— Ягненок. Я же тебе рассказывала. Его сегодня не было на пастбище.

Она ничего не отвечает и делает вид, будто поглощена работой. Но почему?

— Так что с ним? — не сдаюсь я.

Матушка снова переводит на меня взгляд, который не сулит хороших новостей.

— София, животные не люди. Господь создал их для того, чтобы они служили нам.

Ничего не понимая, я гляжу на нее в ответ, и вдруг до меня доходит, что означают ее слова.

— Нет! — протестую я. — Только не он! Только не Пауль!

Мать молчит.

Как ошпаренная, я выскакиваю на улицу и бегу к Общинному центру.

— Вы не можете так поступить! Вы не можете! — криком кричу я всю дорогу.

И лишь на площади, перед трехэтажным зданием с большим деревянным крестом на крыше, я прихожу в себя. Спаситель взирает

на меня с высоты так, словно хочет от чего-то предостеречь. Запыхавшаяся и красная, как помидор, я останавливаюсь, смахиваю слезы, поправляю длинные черные волосы, водружая на место сползший бант, и только после этого вхожу в Центр.

Сестра за стойкой администратора дружелюбно улыбается:

— София! Что тебя расстроило?

— Пауль! — торопливо объясняю я. — Он... он не должен... — слова застревают у меня в горле. — Пожалуйста, можно мне поговорить с господином викарием?

— Даже не знаю, найдется ли у него время на тебя, — сомневается сестра. — В конце концов, завтра День Пробуждения. Впрочем, наш пастырь всегда прислушивается к заботам и нуждам прихожан. Подожди-ка здесь.

Она исчезает, и я остаюсь одна. Сердце колотится так, будто хочет выскочить из груди. Через пару минут сестра возвращается:

— Господин викарий примет тебя прямо сейчас. Пойдем.

Я следую за ней по длинному коридору через большой зал, в котором проводятся собрания общины, в комнату, на двери которой висит деревянный крест. Постучавшись, сестра распахивает передо мной дверь.

Викарий сидит за большим деревянным столом, на котором громоздятся стопки книг, и что-то внимательно читает. На вид ему око-

ло пятидесяти, у него редкие черные волосы, на крючковатом носу — очки в серебряной оправе. За его спиной висит огромная доска, к которой кнопками пришпилено множество табличек, планов и списков. Судя по всему, он очень занят. Моя проблема вдруг кажется мне мелкой и незначительной.

Проходит несколько секунд. Я стою и боюсь открыть рот. Наконец мужчина отрывается от чтения, внимательно смотрит на меня и ласково улыбается.

— София! — приветствует он меня. — Сестра Христа сказала, ты чем-то сильно расстроена. Что случилось?

— Пауль! — выпаливаю я. — Не приносите его в жертву! Пожалуйста, только не его!

— Пауль? — переспрашивает викарий, удивленно подняв брови.

— Ягненок! Я окрестила его Паулем.

Его брови поднимаются еще выше.

— Я не ослышался? Ты его *окрестила*?

Мне становится страшно.

— Конечно нет, я неправильно выразилась. Да, он обычный ягненок. Но...

Викарий кивает.

— Ты права, это просто ягненок. Господь послал его в этот мир, чтобы он служил людям. Что он и делает — дает нам мясо в пищу, чтобы мы могли благодарить Спасителя за то, что живы, и кровь, которой мы помечаем двери в День Пробуждения, чтобы миновала нас злая участь Потерянных. Как говорится

в Писании, *«и над всеми богами Египетскими произведу суд. Я Господь. И будет у вас кровь знамением на домах, где вы находитесь, и увижу кровь и пройду мимо вас, и не будет между вами язвы губительной, когда буду поражать землю Египетскую».*

— Но... но ведь мы не в Египте! — в отчаянии восклицаю я.

— Египет погиб, как и весь мир за пределами нашей долины. И еще в Писании сказано так: *«И да будет вам день сей памятен, и празднуйте в оный праздник Господу во все роды ваши; как установление вечное празднуйте его!»* Многие люди стали Потерянными, потому что забыли Божьи заповеди и теперь служат Антихристу. Ты же не хочешь тоже стать Потерянной, София?

Как это, должно быть, жутко — лишиться души и бродить по миру, нигде не находя приюта. И такая доля уготована всем людям за пределами долины Пробужденных. Я насколько не сомневаюсь, что они заслужили свою участь. Бог не ошибается. При одной мысли, что однажды я могу стать такой же, как они, отверженной Господом, существом без души, у меня мурашки бегут по спине. Ничего страшнее и не придумашь!

Хоть я и понимаю, что испытываю терпение нашего пастыря, но все же рискую сделать еще одну попытку оспорить его слова.

— Но почему именно Пауль? Разве мы не можем взять другого ягненка?

Он лишь вздыхает в ответ:

— Сколько тебе лет, София?

— Пятнадцать, господин викарий.

Он кивает:

— Ты уже совсем взрослая. Скоро ты выйдешь замуж, у тебя появятся дети. Мы их покрестим, и если один из них будет мальчиком, то назовем его Паулем.

Но тут же его глаза сужаются, а голос становится сухим и резким, как барабанная дробь:

— Но у барана не может быть имени, тем более имени апостола.

Викарий переводит дух и добавляет уже не так сердито:

— Ты сейчас как раз в том возрасте, когда для тебя многое изменится. Привыкай жить во взрослом мире. Пока Христос не придет и не спасет нас, мы должны стойко переносить все испытания, возложенные на нас Господом. Позволь я спрошу у тебя кое-что, София. У тебя счастливое детство?

— Было счастливым до той... — у меня на глазах выступают слезы, — до той ночи, когда пропал отец. Его... его похитили Потерянные.

Викарий участливо глядит на меня:

— Да, я помню. Ты была еще совсем крошкой. Это стало для тебя большим несчастьем. Но можно взглянуть на эту потерю и с другой стороны: сильнее всего Господь испытывает тех, кого больше любит. Таким людям он уготовил великое будущее. В том, что ягненок, которому ты по глупости дала человеческое

имя, был избран на заклатие, мне видится великая милость. Так ты быстрей возьмешься за ум и докажешь Ему свою набожность. В сравнении с другими твоя жертва не так уж и велика. Так что будь смелой и смиренной. А теперь иди и готовься к празднику.

Я склоняюсь в поклоне.

— Спасибо, господин викарий.

С поникшей головой и сжатыми кулаками я покидаю Общинный центр. Пусть Пауль всего лишь ягненок, но он еще совсем мал, невинен, полон любви и доверия к миру. Разве он не дитя Божье? Разве у него нет права жить?

Уже на улице я оглядываюсь по сторонам. Площадь перед Центром пуста — сегодня нет ярмарки, и все готовятся к большому празднику. Он начнется вечером с жертвоприношения и продолжится ночным крестным ходом.

Над входом в Центр из выцветших букв составлено слово «отель». Мама рассказывала, что раньше люди приезжали в наши края в «отпуск», как они это называли. Это было давно, до Пробуждения, до того, как все, кто живет вне нашей долины, стали Потерянными.

С тех пор наша община стала последним прибежищем для праведных и богобоязненных душ. Раньше, еще до моего рождения, сюда приезжали со всего мира, поэтому среди тех, кто здесь живет, можно встретить людей с разным цветом кожи, говорящих на разных языках. Но однажды настал день, когда Пробужденные перестали приезжать. Последний

епископ утверждает, что в мире не осталось больше никого, кто был бы так угоден Господу, чтобы Он захотел привести его к нам.

Сейчас пять тысяч праведных душ живут в Штиллахтале, в четырех общинах, которые называются Шванд, Файстеной, Биргсау и Эйнедсбах, и еще в обители Последнего епископа на окраине долины Раппенальпталь, которая граничит с нашей. Биргсау — самая большая и, по моему скромному мнению, самая красивая община. Я предпочитаю держать эти тщеславные мысли при себе, ведь перед Господом все равны. И все мы ждем второго пришествия Христа и надеемся, что Спаситель заберет нас из этого мира в рай. На проповедях Последний епископ всегда повторяет, что это может произойти в любой момент и поэтому каждый день мы должны проживать так, словно следующий никогда не наступит. Но мы засеваем поля весной, собираем урожай и заполняем закрома осенью, бережем, что имеем, и никогда не взыскуем большего, чем нам дает Господь. Потому что мы верим, что Он испытывает наше терпение и веру и заберет нас лишь тогда, когда увидит, что мы готовы предстать перед Его судом.

Когда я была маленькой, еще до того, как пропал отец, я часто спрашивала:

— Когда уже придет Спаситель, мама? Это будет скоро?

Она лишь пожимала плечами и отвечала:

— Надеюсь, что так, дитя мое. Очень на это надеюсь.

Повзрослев, я поняла, что, прежде чем Иисус спустится с небес в нашу долину, пройдет куча времени и мне тогда будет столько же лет, сколько сейчас матери.

Я знаю, что Господь видит меня насквозь: все мои помыслы и поступки у него как на ладони. И других Пробужденных Он тоже видит. Вероятно, Он ожидает, пока наши сердца очистятся от греха, и только тогда Он пошлет в долину Своего Сына, который отведет нас в Царствие Небесное.

А вдруг я единственная, кто еще не готов? Может быть, я своим упрямством задерживаю пришествие Христа и все откладывается только из-за меня. Ужасная мысль! Но я не могу не думать о малыше Пауле. Я помню, как он впервые лежал у меня на руках, дрожа всем маленьким тельцем, а я поила его молоком из бутылочки. Как он всегда прибегал, едва завидев меня на пастбище, и смешил меня до слез, когда резвился и прыгал на лугу. Все наши животные принадлежат общине, и я, конечно, поступила очень опрометчиво, когда подружилась с одним из них и даже дала ему имя. К горлу подкатывает тошнота, когда я думаю о том, что сегодня Пауля принесут в жертву и что именно его кровью окрасят все двери при свете полной луны.

Рядом с Центром — небольшой сарай, в который обычно загоняют общинный трактор. Там же хранится бензиновый генератор и всевозможные приборы. Дверь не заперта. А за-